

© 2024 г. Е.Ю. СЕРГЕЕВ

«КОММУНИСТИЧЕСКИЙ МИЛИТАРИЗМ» И «ДОКТРИНА МОНРО» В ИНТЕРПРЕТАЦИИ СОВЕТСКОГО И БРИТАНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО РУКОВОДСТВА (середина 1920-х годов)

Сергеев Евгений Юрьевич — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: Eugene.sergeev59@gmail.com

Scopus Author ID: 56445046700; ORCID: 0000-0001-7834-5824; РИНЦ: С-8571-2018

Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования РФ (соглашение № 075-15-2024-537).

Аннотация. На основе ранее недоступных исследователям или мало изученных источников, включая аналитические записки дипломатических и военных экспертов, свидетельства непосредственных участников событий, а также материалы специальных периодических изданий, впервые на основе компаративного анализа исследуются смысл и содержание двух концепций — «коммунистического милитаризма» в трактовке части руководителей Коминтерна и «доктрины Монро» в интерпретации представителей британского истеблишмента. Анализируя политику Москвы и Лондона в регионах Центральной, Восточной и особенно в Южной Азии, автор стремится выделить общие и специфические черты обоих концептов с точки зрения их теоретической значимости и практической реализуемости на протяжении так называемой эры пацифизма середины 1920-х годов. Первостепенное внимание уделяется проблеме формирования советским руководством азиатского вектора внешней политики в сопоставлении со стремлением британских правящих кругов адаптировать империю к реалиям индустриальной эпохи. Автор рассматривает столкновение советских и британских интересов в странах Ближнего и Среднего Востока как попытку реализации концепции «коммунистического милитаризма» в столкновении с британским прочтением «доктрины Монро» для ключевых стран указанных регионов — Турции, Ирана, Афганистана, Саудовской Аравии и северо-западной части Индии. В заключение автор проводит параллели между двумя концептуальными парадигмами, указывая на объективную невозможность для обеих стран — Советского Союза и Соединенного Королевства — осуществить их комбинацию с идеями «мировой революции» в первом случае и ценностями либерально-демократического индустриализма во втором.

Ключевые слова: СССР, Великобритания, внешняя политика, международные отношения, внешнеполитические концепции, Коминтерн, Комитет имперской обороны, Средний Восток, Индия.

E.Yu. Sergeev

“Communist Militarism” and the “Monroe Doctrine” in the Interpretation of Soviet and British Political Leadership, mid-1920s

Evgeny Sergeev, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: Eugene.sergeev59@gmail.com

Scopus Author ID: 56445046700; ORCID: 0000-0001-7834-5824; РИНЦ: С-8571-2018

The article was prepared within the framework of a grant provided by Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Agreement № 075-15-2024-537).

Abstract. Drawing on sources that were previously either inaccessible to researchers or poorly studied, including analytical notes by diplomatic and military experts, testimonies of direct participants in the events, as well as materials from special periodicals, the meaning and content of two concepts, “communist militarism” as interpreted by some leaders of the Comintern and the “Monroe Doctrine” as interpreted by representatives of the British establishment, are examined for the first time by means of comparative analysis. While analysing the policies of both Moscow and London in Central, East, and especially South Asia, the author seeks to identify common and specific features of both concepts in terms of their theoretical significance and practical feasibility during the so-called “era of pacifism” of the mid-1920s. Primary attention is paid to the problem of the formation of the Asian vector of foreign policy, which the Soviet leadership faced, in comparison with the desire of the British ruling circles to adapt the Empire to the realities of the industrial age.

Keywords: USSR, Great Britain, foreign policy, international relations, foreign policy concepts, Comintern, the Committee of Imperial Defence, Middle East, India.

Система понятий, широко применяемых современными исследователями, заслуживает самого пристального внимания в контексте изучения динамики советско-британских отношений на протяжении XX в. Одним из важнейших периодов их истории, без сомнения, следует назвать десятилетие после окончания Первой мировой войны и революционных потрясений, вызванных глобальным конфликтом, когда Москва и Лондон были вынуждены, по сути, заново выстраивать систему двустороннего взаимодействия, адаптируя ее к реалиям индустриальной эпохи.

В связи с тем что для рассматриваемого исторического периода концепции «коммунистического милитаризма» и «доктрина Монро» в британском прочтении имели основополагающее значение, учитывая влияние национально-освободительных движений на мировую политику, представляется необходимым подвергнуть их всестороннему анализу на конкретном материале советско-британских отношений 1920-х годов. Этот период характеризовался попытками Советской России / СССР сформулировать новую парадигму внешней политики, отличную от Версальско-Вашингтонского миропорядка, созданного странами – победительницами в Первой мировой войне. Для Великобритании основополагающее значение имела защита рубежей самой большой по территории и населению империи в истории человечества.

Несмотря на то что указанные понятия можно встретить в выступлениях политиков, а также в прессе первого послевоенного десятилетия, присущая им коннотация до настоящего времени не подвергалась специальному исследованию. Между тем их сравнительное изучение предоставляет исследователю возможность расширить понимание характера выработки и реализации внешнеполитических решений властными элитами обеих стран.

Поэтому автор поставил перед собой цель компаративного рассмотрения возникновения этих концепций у советского и британского руководства на фоне противоречивой динамики двусторонних отношений, напоминавшей колебания маятника. Выбор хронологических рамок отражает переломный исторический период, когда, с одной стороны, идеи «мировой революции» в сознании кремлевских лидеров начали уступать место

пониманию приоритетности национальных интересов в условиях империалистического окружения, а с другой — британский внешнеполитический истеблишмент был вынужден заняться поиском наиболее эффективных методов адаптации империи к реалиям Версальско-Вашингтонского миропорядка.

С учетом этих обстоятельств научная новизна статьи определяется перекрестным использованием малоизвестных или ранее недоступных материалов из фондов российских и британских архивов, а также опубликованных сборников дипломатической корреспонденции и обзоров специальных служб. Что же касается актуальности изучения коннотации обеих концепций через призму их сопоставления, то она, безусловно, находится в прямой зависимости от возрастания напряженности отношений России и западных держав, а также все более значимой роли, которую играют азиатские государства в современных глобальных процессах.

Начнем с интерпретации «коммунистического милитаризма», проводниками которого выступали наиболее экстремистски настроенные члены кремлевского руководства — сторонники экспорта коммунистической революции в страны Европы и Азии. Как показывает изучение стенограмм партийных форумов, официальной и личной переписки, газетных публикаций и памфлетов, а также мемуарной литературы, к этой группе следует отнести, главным образом, сторонников председателя Реввоенсовета и наркома по военным и морским делам (до 1925 г.) Л.Д. Троцкого — фактически второго по влиянию после В.И. Ленина советского лидера. Немалое количество партийных функционеров различного уровня, занимавших руководящие посты в структурах Коммунистического интернационала (Коминтерна), поддерживали указанные идеи. Их глашатаем в первой половине 1920-х годов выступал председатель Петроградского совета и главное — Исполнительного комитета Коминтерна (ИККИ) Г.Е. Зиновьев, перешедший на сторону Троцкого к 1926 г. Скорее по карьерным соображениям к Троцкому и Зиновьеву присоединился еще один видный представитель большевистского руководства, председатель Совета труда и обороны и президиума Исполкома Московского Совета (также до 1926 г.) Л.Б. Каменев. Наконец, взгляды о необходимости военным путем насаждать режимы, подобные советскому, разделяли многие, если не большинство работников военных и гражданских специальных служб, прежде всего Объединенного главного политического управления (ОГПУ) и Разведывательного (IV) управления (РУ) Главного штаба (ГШ) Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА)¹.

Адепты «коммунистического милитаризма» вкладывали в это понятие различные смыслы. Прежде всего речь шла о насильственном преобразовании политических режимов в зарубежных государствах на принципах социализма, что означало свержение существовавших правительств, установление диктатуры пролетариата и организацию государственной власти по модели Советов. Иными словами, провозглашалась необходимость открытого вооруженного вмешательства во внутренние дела тех стран, ситуация в которых отличалась нестабильностью по различным причинам: в связи с развитием политических, этнических или конфессиональных конфликтов, кризисным состоянием экономики, нерешенными пограничными проблемами и т.п.

Кроме того, опираясь на терминологию американского политолога Дж. Ная, практика «коммунистического милитаризма», сформулированная идеологами Коминтерна, такими как Г.Е. Зиновьев, Н.И. Бухарин и др., в первой половине 1920-х годов как продолжение ленинской концепции «экспорта» мировой революции означала использование методов «жесткой силы», среди которых основное место занимали военно-политическое давление и экономические санкции, включавшие торговое эмбарго, выдвижение финансовых требований², запрет на трансграничное перемещение людей, товаров и капиталов².

¹ См., например: Краткий ориентировочный доклад РУ ГШ РККА, 28 апреля 1925 г. // Глазами разведки. СССР и Европа, 1919–1938 годы. Сборник документов из российских архивов / сост. М. Уль, В. Хаустов, В. Захаров. М., 2015. С. 179–186.

² Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York, 2004. P. 25.

Наконец, большое значение идеологи «коммунистического милитаризма» придавали развертыванию пропагандистских кампаний с целью агитационного воздействия на все слои общества, включая наемных работников города и деревни, в тех странах, которые стали целями вмешательства. Вполне понятно, что организация такого идейно-политического «наступления» требовала масштабного финансирования и участия значительного штата профессиональных работников агитпропа³.

После тщетных попыток экспортировать коммунистическую революцию в страны Запада, примером чему явились события в Германии, Италии, Венгрии, Польше и государствах Восточной Балтии (окончательно крест на них поставила неудачная попытка превратить всеобщую забастовку британских трудящихся мая 1926 г. в вооруженное антиправительственное восстание⁴), последователи доктрины «коммунистического милитаризма» обратили свои взоры на пространства Азии. Именно там, как им казалось, на фоне спада послевоенной революционной волны в Европе национально-освободительные движения смогли бы превратиться в движущую силу «коммунистического милитаризма», нанеся удар по колониальным империям крупнейших западных держав. Характерно, что эта точка зрения получила поддержку И.В. Сталина, который заявил японскому журналисту в 1925 г., что «революционизация колониального тыла империалистов» могла бы послужить не только его подрыву, но и «придать мощный импульс» усилению антикапиталистической борьбы пролетариата западных стран⁵.

По мнению поборников «коммунистического милитаризма», требовалось направить ксенофобские по своей сути национальные движения в антиимпериалистическое русло с помощью их большевизации, чтобы ликвидировать источники поступления сырьевых ресурсов в западные державы и прежде всего Великобританию, как одного из творцов и гарантов послевоенного миропорядка. С точки зрения Троцкого, Зиновьева и их сторонников, прекращение эксплуатации капиталистическими метрополиями так называемой колониальной периферии должно было привести к ухудшению положения широких слоев населения европейских государств, что в свою очередь могло вызвать социальный протест и облегчить захват власти пролетариатом. Именно поэтому адепты «коммунистического милитаризма» считали оппортунизмом любые попытки прийти к соглашению с лидерами национальных движений в странах Азии — от Мустафы Кемалю до Чан Кайши, представлявшими, как правило, их правоцентристское крыло⁶.

Так, жестко критикуя «оппортунистическую» политику Кремля в китайском вопросе на протяжении 1925–1927 гг., Троцкий отмечал: «В Англии, как и в Китае, линия была направлена на сближение с “солидными” верхами, на личные связи, на дипломатическое комбинаторство ценою фактического отказа от углубления пропасти между революционными или левеющими массами и предателями вождями»⁷. Аналогичным образом Зиновьев в серии статей заклеил «соглашательскую» деятельность сталинской группы относительно поддержки национальных движений в Восточной Азии, обвинив генерального секретаря ВКП(б) в «грубых личных выпадах» и «клеветнических измышлениях»⁸.

³ О деятельности советских пропагандистов на британском направлении см. подробнее: *Сергеев Е.Ю.* Обманчивый рассвет: Советский Союз и Великобритания в 1925–1932 гг. М., 2024. С. 269–276.

⁴ Там же. С. 87–105.

⁵ Цит. по: *Kapur H.* Soviet Russia and Asia. A Study of Soviet Policy towards Turkey, Iran and Afghanistan. Geneva, 1966. P. 77.

⁶ Также см.: *Мамаева Н.Л.* Коминтерн и Гоминьдан. 1919–1929. М., 1999; *Черникова Л.П.* Троцкий и идея мировой революции в контексте будущего Китая // Коминтерн и Восток: к 100-летию Коминтерна / отв. ред. Н.Г. Романова, К.В. Орлова. М., 2021. С. 218–261.

⁷ *Троцкий Л.Д.* Китайская революция и тезисы т. Сталина (черновой вариант), 28 апреля 1927 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 325. Оп. 1. Д. 323. Л. 25. Также см.: Правда. 7.V.1927.

⁸ *Зиновьев Г.Е.* Уроки китайской революции, март 1927 (черновые материалы) // РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 350. Л. 1–125; *Его же.* Революция в Китае и «мастер революции» Сталин, май 1927 г. // Там же. Оп. 1. Д. 61. Л. 2.

Важно также обратить внимание еще на одну сторону доктрины «коммунистического милитаризма», которая наиболее ярко проявилась в деятельности Коминтерна на Среднем Востоке, а именно разработка планов интеграции коммунистических идей в их большевистской интерпретации с воззрениями сторонников воинствующего джихадизма, отрицавших светское государство вообще, но в особенности построенное на ценностях либеральной демократии. Очевидный антагонизм идей джихадизма и «безбожного коммунизма» не препятствовал стремлению части коминтерновских деятелей и работников большевистских спецслужб объединить усилия с «революционными исламистами» в борьбе против главного врага — западного капитализма⁹.

Хотя Британская империя, несмотря на победу в мировой войне, пребывала, как отмечают идеологи Коминтерна, на грани распада, она, по мнению приверженцев «коммунистического милитаризма», отнюдь не собиралась уступать кому-нибудь бремя глобального лидерства. Именно поэтому, с их точки зрения, Лондон рассматривал в качестве одного из внешнеполитических приоритетов повторение вооруженной интервенции против СССР силами соседних с ним государств как в Европе, так и Азии¹⁰. Отвечая на публикации англо-индийской прессы о «красной опасности», кремлевские пропагандисты указывали на маршруты эвентуального вторжения из Британской Индии в Советский Туркестан через территорию Афганистана, хотя оно могло столкнуться не только с природно-географическими барьерами и сложной этноконфессиональной ситуацией, но и значительными финансовыми затратами, неприемлемыми для Лондона в условиях экономических трудностей середины 1920-х годов¹¹.

Переходя к характеристике британского варианта «доктрины Монро», стоит напомнить, что ее провозглашение президентом США в послании членам Конгресса более 200 лет назад — 2 декабря 1823 г. — имело своей целью предотвращение вмешательства ведущих европейских держав в дела Западного полушария, чтобы восстановить колониальное господство и перераспределить зависимые территории между ними. Спустя 80 лет другой американский президент, Т. Рузвельт, предложил новое толкование указанной концепции на основе «дипломатии доллара» и «политики большой дубинки», означавшей в реальности переход к Вашингтону функций «верховного арбитра» и «главного полицейского» на американском континенте¹².

После окончания Первой мировой войны внешнеполитическая повестка Соединенного Королевства претерпела существенные изменения. Ощутимые людские, финансовые и материальные затраты, которые оно понесло, заставляли влиятельные группы истеблишмента переходить к сочетанию традиционных методов «жесткой» силы с новыми практиками более «мягкого» воздействия¹³. Этому процессу также способствовало принятие на себя коалиционным правительством Д. Ллойд Джорджа еще в августе 1919 г. так называемого правила десяти лет (Ten Year Rule), согласно которому расходы силовых ведомств сокращались исходя из прогноза неучастия Великобритании в глобальном конфликте на протяжении следующего десятилетия. Таким образом, затраты на «силовую» политику, составлявшие в 1919–1920 гг. 766 млн ф. ст., были урезаны в 4 раза спустя два года, а к 1932 г. составили всего лишь 102 млн ф. ст.¹⁴.

⁹ См. подробнее: *Kepel G. Jihad: The Trail of Political Islam. Cambridge (Mass.), 2002.*

¹⁰ *Гус М. С. Британский империализм и Восток. Харьков, 1926. С. 25, 57.*

¹¹ См., напр.: *Маздур И. Британский империализм в Индии и подготовка интервенции против СССР. М., 1933. С. 37–39, 45–46, 55–72.*

¹² *Исэров А. А. Монро доктрина 1823 г. // Большая российская энциклопедия (БРЭ). URL: https://old.bigenc.ru/world_history/text/2228217 (дата обращения: 22.03.2024). Также см.: *Gilderhus M. T. The Monroe Doctrine: Meanings and Implications // Presidential Studies Quarterly. 2006. Vol. XXXVI. № 1. P. 5–16. О коррективах «доктрины Монро» президентом Т. Рузвельтом см.: Veese C. A World Safe for Capitalism Dollar Diplomacy and America's Rise to Global Power. New York, 2002.**

¹³ См. подробнее: *Малкин С. Г. Патрулируя империю: колониальный контроль и военная мысль Великобритании в эпоху Интербеллума. Самара, 2024.*

¹⁴ *Kennedy P. The Realities Behind Diplomacy. Background Influences on British External Policy 1865–1980. London, 1981. P. 231.*

Отсюда стремление членов второго консервативного кабинета С. Болдуина (1924–1929) воздерживаться от массированного использования войск для подавления национальных движений, либо делать это только в самых крайних случаях, как это происходило на территории Ирака, подмандатной Палестины, на северо-западной границе Британской Индии, а также на территории некоторых иностранных концессий в Китае. Исследованию теоретического обоснования и практической реализации «жесткой силы» посвящено несколько заслуживающих внимания работ современных авторов¹⁵.

Документы Уайтхолла свидетельствуют, что объединение экспансии большевизма в страны Востока в форме «коммунистического милитаризма» с радикальными национальными движениями рассматривалось властной элитой Британской империи на протяжении 1920-х годов как наибольшая угроза ее существованию. Аналогично соперничеству России и Великобритании в период Большой игры второй половины XIX – начала XX в., хотя и в иной международной обстановке, ключевую роль в этих сценариях играли государства Среднего Востока, которые стремились избавиться от полуколонияльного статуса в процессе обретения ими подлинного суверенитета.

К середине 1920-х годов основная дискуссия сторонников британской интерпретации «доктрины Монро» развернулась на страницах журнала «Круглый стол» (The Round Table) – периодического издания, отражавшего взгляды сторонников более тесного взаимодействия метрополии и самоуправляющихся доминионов. Основанный в 1910 г. высоким комиссаром в Южной Африке А. Милнером и его ближайшими помощниками журнал объединил представителей консервативных кругов, выступавших за преобразование империи в Содружество (Commonwealth) – конфедерацию союзных государств, объединенных историческим прошлым, английским языком, христианскими духовными ценностями, конкурентной рыночной экономикой и принципами либеральной демократии. После кончины лорда Милнера в мае 1925 г. наиболее активную роль в продвижении этих идей играли такие видные политики и общественные деятели, как Л. Кёртис – основатель Королевского института международных отношений (Чэтэм-хауса), Ф. Керр (лорд Лоттиан) – личный секретарь Ллойд Джорджа, впоследствии посол в США, Дж. Дausон – влиятельный журналист газеты «Таймс», а также Р. Бранд (лорд Бранд) – крупный государственный чиновник, затем директор «Ллойдс Бэнк». Эта группа единомышленников пользовалась содействием, особенно по вопросу отпора «большевистской экспансии», министра колоний Л. Эмери, руководителя авиационного ведомства С. Хора, лорда Темплвуда, министра по делам Индии Ф. Смита (более известного как лорд Биркинхед) и, наконец, наиболее последовательного антикоммуниста, канцлера казначейства У. Черчилля¹⁶.

Постепенно в ходе дебатов возникали контуры британского варианта «доктрины Монро». Ключевым принципом ее нового прочтения выступало дальнейшее сближение метрополии и доминионов на федеративной основе с использованием общих подходов к организации обороны имперских рубежей. При этом противодействие вмешательству геополитических конкурентов – Франции, Германии, США и Японии – должно было осуществляться объединенными вооруженными силами (сухопутными, морскими и воздушными) в целях защиты метрополии и ее коммуникаций с доминионами, колониями и протекторатами.

В экономическом плане предусматривался отказ от постулатов свободной торговли с переходом к протекционизму. На практике это означало формирование валютно-финансового блока на основе фунта стерлингов и таможенного союза с использованием преференциальных внутренних и запретительных внешних пошлин на основные категории сырья и промышленной продукции.

¹⁵ Среди наиболее содержательных публикаций укажем на следующие работы: *Moreman T.* “Small Wars” and “Imperial Policing”: The British Army and the Theory and Practice of Colonial Warfare in the British Empire, 1919–1939 // *Journal of Strategic Studies*. 1996. Vol. XIX. № 4. P. 105–131; *Thomas M.* Empires of Intelligence. Security Services and Colonial Disorder after 1914. Berkeley; Los Angeles, 2008; *Hevia J.* The Imperial Security State. British Colonial Knowledge and Empire-Building in Asia. Cambridge, 2012.

¹⁶ См., например: *The Round Table Journal*. 1920–1929. Vol. X. Iss. 40. P. 772–940.

Кроме того, важнейшей чертой «доктрины Монро» в понимании правящих кругов Соединенного Королевства являлась борьба с распространением коммунистической пропаганды среди колониальных и зависимых народов через привлечение на свою сторону умеренных лидеров и групп в националистических движениях. Одновременно у британских политиков росло понимание значимости поддержки течений умеренного типа. Свидетельством постепенного осознания ими эффективности привлечения к сотрудничеству противников насильственных действий среди руководства Индийского национального конгресса (ИНК) стала работа комиссии под руководством известного юриста Дж. Саймона, занявшего пост министра иностранных дел в национальном правительстве Дж.Р. Макдональда. Как известно, Саймон вместе с группой парламентариев на протяжении 1928 г. проводил обследование политического положения в регионах Индии, стремясь подготовить конституционную реформу ее управления¹⁷. Еще одним примером подобного рода служит деятельность британских дипломатов и сотрудников спецслужб в Ираке, где они, по справедливому мнению отечественных авторов, старались «трансформировать политическое пространство региона в направлении от религиозной формы социально-государственного устройства к светской»¹⁸.

Если формулированием принципов «коммунистического милитаризма» занимались главным образом обладатели высоких постов в советских властных институтах, в прошлом профессиональные революционеры, не получившие специального образования и поэтому довольно приблизительно представлявшие себе ситуацию в странах Востока, за исключением, пожалуй, военных специалистов-востоковедов вроде А.Е. Снесарева, то разработку британского варианта «доктрины Монро» осуществляли первоклассные эксперты-ориенталисты, работавшие в различных правительственных структурах и межведомственных координационных органах. Примером может служить Комитет имперской обороны (КИО) (Committee of Imperial Defence) — основной консультативный орган по стратегическим вопросам, возникший сразу после окончания англо-бурской войны 1899—1902 гг.¹⁹

Подчеркнем, что важнейшую роль в этом процессе сыграли участники Межведомственного совещания по беспорядкам на Востоке (МСБВ) (Interdepartmental Conference on Eastern Unrest, ICEU), начало деятельности которого относится к февралю 1922 г. Главная задача совещания, включившего представителей Форин офис, Министерства по делам Индии и Имперского Генерального штаба, состояла в мониторинге деятельности, оценке угрозы и подготовке рекомендаций для противодействия националистическим организациям различной идеологической ориентации, прежде всего сотрудничавшим с Коминтерном, как, например, члены сикхской партии «Гадар».

В целях исключения дублирования функций, а также финансовой экономии КИО своим решением от 25 марта 1926 г. включил МСБВ в свой состав на правах подкомитета. На протяжении последующих нескольких месяцев члены МСБВ провели пять пленарных заседаний, продолжив обсуждения в первом полугодии 1927 г. Основное внимание их участников привлекал регион Центральной Азии, охватывавший Афганистан и Северо-Западную пограничную провинцию Британской Индии. Кроме того, повышенный интерес экспертов привлекали провинции Китая, охваченного революционным движением. Наконец, в связи с локальными восстаниями племен и временным ослаблением власти центральных правительств члены МСБВ по запросам Кабинета занимались также ситуацией в Турции,

¹⁷ *Вертинский А.В.* Комиссия Саймона и борьба в политических кругах Великобритании вокруг индийской конституционной реформы (1927—1930 гг.) // Из истории буржуазной дипломатии и межимпериалистических противоречий в первой половине XX в. Томск, 1986. С. 57—73; *Жирова Н.С.* Сотрудничество индийской партии «Гадар» с Коминтерном (1922—1943). Липецк, 2016. С. 101.

¹⁸ *Миняжетдинов И.Х.* Коминтерн в «английском» Ираке: в поисках правильного ракурса // Коминтерн и Восток. С. 112.

¹⁹ О создании и начальном этапе деятельности КИО см.: *Сергеев Е.Ю.* Комитет имперской обороны — главный орган координации внешней политики Великобритании // Европейские сравнительно-исторические исследования / ред. А.А. Улунян, Е.Ю. Сергеев. Вып. 4. М., 2014. С. 129—143.

Иране, Ираке и арабских государствах Ближнего Востока²⁰. Отметим, что с этим органом активно взаимодействовали разведывательные службы не только сухопутных, морских и воздушных сил, но и соответствующие полицейские департаменты МВД Великобритании и Министерства по делам Индии²¹.

К числу факторов, затруднявших разработку британской концепции защиты и приспособления империи к новым условиям, относились межведомственные трения по разграничению полномочий и финансированию защиты имперских рубежей. В первой половине 1927 г. они достигли такой степени накала, что глава Форин офис О. Чемберлен инициировал преобразование МСБВ в подкомитет КИО по обороне Индии, продолжавший работать вплоть до начала Второй мировой войны²².

Не менее острые дебаты шли на заседаниях различных исследовательских центров главных оппонентов консерваторов — лейбористов, которые, хотя и не выступали с радикальных позиций немедленной ликвидации Британской империи, которая, по их мнению, выступала барьером на пути ревизии Версальско-Вашингтонского порядка, гарантируя сохранение всеобщего мира, но стремились к эвентуальному реформированию ее структуры и взаимосвязей основных компонентов. Так, еще в программе 1918 г. руководство Рабочей партии заявило о намерении предоставить подмандатным и зависимым территориям тот диапазон самоуправления, который они способны осуществлять, вплоть до полноправного членства в проектируемой Британской конфедерации, призванной заменить собой империю, хотя каких-либо точных сроков названо не было²³.

Выступая за последовательное реформирование колониального статус-кво, часть лейбористских лидеров, например А. Гендерсон, Х. Далтон и У. Ситрин, предлагали, если так можно выразиться, правоцентристскую интерпретацию «доктрины Монро», основываясь на заключениях экспертов Консультативного комитета по международным вопросам (Labour's Advisory Committee on International Questions). Их видение будущей империи предполагало ее трансформацию в Содружество наций, хотя и не совсем равноправных, на трех уровнях: метрополия — белые доминионы — азиатские, африканские и карибские колонии²⁴.

При этом слева им оппонировали Дж. Лэнсбери, А. Понсонби, Ч. Бакстон, изучавшие опыт национального строительства Советского Союза на социалистических началах. Другими словами, лейбористы попытались сформулировать концепцию преобразования имперских владений в конфедерацию суверенных народов, лишь формально признававших верховную власть метрополии, причем некоторые из них выражали согласие упразднить монархию и перейти к республиканской форме правления. В этом случае место монарха занял бы президент конфедерации, а Палаты лордов — законодательный орган, члены которого представляли бы интересы конкретных наций. Показательно, что в будущем планируемая конфедерация, по мнению некоторых лейбористских идеологов, могла стать зародышем мирового правительства — Всемирной лиги народов²⁵.

²⁰ Memorandum by ICEU "Turco-Russian policy in the Middle East and in Arabia", 23 June 1927 // The National Archives of the United Kingdom (далее — TNA). British Library Afro-Asian Studies. India Office Records. L/P&J/12/155.

²¹ Fisher J. The Interdepartmental Committee on Eastern Unrest and British Responses to Bolshevik and Other Intrigues against the Empire during the 1920s // Journal of Asian History. 2000. Vol. XXXIV. № 1. P. 18.

²² Ibid. P. 29. Также см.: Orde A. Great Britain and International Security 1920–1926. London, 1978. P. 29.

²³ Судейкин А.Г. Колониальная политика лейбористской партии Великобритании между двумя мировыми войнами. М., 1976. С. 69–71; Thorpe A. Introduction // The British Labour Party and The Wider World / eds P. Cornthorn, J. Davis. London; New York, 2008. P. 1–24.

²⁴ Thomas J.H. Labour and the Empire // World Today. 1924. № 5. P. 487–489; Hillmer N. The Foreign Office, the Dominions and the Diplomatic Unity of the Empire, 1925–29 // Retreat from Power. Studies in Britain's Foreign Policy of the Twentieth Century / ed. D. David. London; Basingstoke, 1981. Vol. 1. P. 64–77; Sylvest C. A Commanding Group? Labour's Advisory Committee on International Questions 1918–1931 // The British Labour Party... P. 48–63.

²⁵ Судейкин А.Г. Указ. соч. С. 73.

Объединяющим моментом как для правых, так и для левых лейбористов являлось понимание социализма в его «фабианском» истолковании, которое означало эволюционное развитие демократических основ государственной жизни без ограничения либеральных свобод путем создания институтов общественного самоуправления. Такая перестройка подразумевала не только политические трансформации, но и хозяйственные изменения с введением элементов государственного регулирования экономики, хотя ее базисом оставались рыночные отношения. Любопытно, что, с точки зрения авторов проектов будущей конфедерации, ее высшим органом должен был стать Совет Содружества, который обязывался созывать ежегодные конференции с участием представителей народов, объединенных английским в качестве государственного языка, христианской религией как основы общественной жизни и демократическими принципами организации системы управления.

По воспоминаниям членов второго лейбористского правительства Дж.Р. Макдональда (июль 1929 – август 1931 г.), главной причиной, сделавшей невозможным проведение в жизнь амбициозной программы реорганизации Британской империи, стал мировой экономический кризис начала 1930-х годов²⁶. Вместе с тем автору статьи представляется необходимым указать еще как минимум три фактора, затруднявших ее реализацию: ожесточенное сопротивление консервативных сил, очевидную разнородность колониальных владений и, что представляется наиболее существенным, воздействие идеологии и практики «коммунистического милитаризма».

Характерным примером столкновения идей переноса революционных методов за рубеж и стремления придать «доктрине Монро» «второе дыхание» послужила ситуация в северо-западной Индии второй половины 1920-х годов.

Обращаясь к индийской тематике, упомянем выступление лорда Биркинхеда на октябрьской 1926 г. Имперской конференции в Лондоне. «Мы должны быть готовы встретить российскую агрессию против Индии в новой и гораздо более опасной форме, поскольку она подразумевает атаку извне, одновременную с внутренними беспорядками или следующую за ними». Отстаивая неприкосновенность имперских рубежей, Биркинхед регулярно обрушивался с нападками на политику большевиков, которых он в публичных выступлениях называл захватившей власть «бандой евреев и грузин», уничтоживших царскую семью, присвоивших собственность британских подданных на территории России и доведших ее до военного поражения, демонстрируя миру «обман, жестокость и антигуманность социализма»²⁷.

Хотя обычно О. Чемберлен дистанцировался от мнения Биркинхеда, в сущности, его трактовка «доктрины Монро» для Азии не сильно отличалась от взглядов министра по делам Индии. Так, на очередном заседании КИО 26 ноября 1926 г. глава Форин офис назвал основным геополитическим противником Британии именно Советский Союз, но никак не Германию, Японию или США²⁸. Развивая эту мысль, составитель одного из меморандумов для подкомитета по обороне Индии, начальник Имперского Генерального штаба Дж. Милн 25 марта 1927 г. указывал на сочетание ряда неблагоприятных для Британии тенденций: возрастание советского влияния на Среднем Востоке, ослабление режима в Афганистане и нестабильное состояние имевшей ключевое геополитическое значение Северо-Западной пограничной провинции Индии (СЗПП)²⁹.

Наибольшую угрозу официальный Лондон усматривал в сочетании двух основных подходов Кремля к национальным движениям указанного региона: «большевизации» СЗПП с помощью левых экстремистов в их составе и одновременно привлечение к сотрудничеству умеренных националистов, как, например, одного из лидеров ИНК Дж. Неру. Не случайно осенью 1927 г. советское правительство пригласило его вместе с семьей посетить СССР по случаю десятилетия революции. Результатом поездки явилась публикация впечатлений

²⁶ Howe S. *Anti-Colonialism in British Politics: The Left and the End of Empire, 1918–1964*. Oxford, 1993. P. 44–52.

²⁷ Цит. по: *Campbell J.F.E. Smith. First Earl of Birkenhead*. London, 1991. P. 747, 786.

²⁸ The CID meeting, 25 November 1926 // TNA. CAB2/4.

²⁹ Memorandum by Milne for the Cabinet, 25 March 1927 // *Howard M. The Continental Commitment: The Dilemma of British Defense Policy in the Era of the Two World Wars*. London, 1972. P. 90–91.

Неру, отразивших в целом благоприятное мнение индийского политика о Стране Советов. «В общем-то Россия и Индия должны жить как лучшие соседи без малейших трений. Их постоянный характер, наблюдаемый нами сегодня, определяется конфликтом между Англией и Россией, а не между Индией и Россией», — сделал вывод Неру. И задался вопросом: «Существует ли причина того, что мы в Индии обязаны унаследовать вековое соперничество Англии против России?» Отвечая на него, он указывал, что в основе лежали «зависть и алчность британского империализма». Поэтому интересы индийцев, безусловно, заключались в том, чтобы «положить ему конец, лишив поддержки и возможности дальнейшего усиления»³⁰.

Возвращаясь к характеристике первого из упоминавшихся подходов, отметим, что, согласно известным решениям о «левом повороте», принятым VI Конгрессом Коминтерна в Москве летом 1928 г., распространение коммунистической пропаганды только усилилось³¹. После вынужденного закрытия в связи с дипломатическим давлением Лондона и Анкары курсов подготовки революционных активистов в Ташкенте ее центр был перенесен в Баку. Кроме того, по данным контрразведывательных и полицейских структур англо-индийского правительства, руководство ИККИ в сотрудничестве с ОГПУ с 1925 г. финансировали секретные центры и легальные организации по связям с Индией в Кабуле и Мазари-Шарифе, отнюдь этого не скрывая. Так, например, 14 ноября 1930 г. газета «Известия» сообщала о выделении Москвой 200 тыс. долл. индийским революционерам³².

Что касается второго направления воздействия большевиков на протестное движение, упомянем финансовую поддержку стачки трудящихся Бомбея, которая продолжалась несколько недель. По оценкам индийских историков, из 75 тыс. рупий, собранных в фонде солидарности со стачечниками, 32,5 тыс. рупий они получили из СССР³³. Не случайно 3 мая 1928 г. газета Times информировала читателей о «руке Москвы» в бомбейской забастовке и вызванных ею волнениях рабочих³⁴. Однако решения съезда ИНК о мирной стратегии борьбы за независимость, последовавшие после работы в Индии упоминавшейся комиссии Саймона, а также призывы М. Ганди к ненасильственному сопротивлению британским колониальным властям на местах вызвали критику Сталина, руководства Коминтерна и советской прессы³⁵.

На протяжении 1931 г. опасения сторонников «доктрины Монро» только усилились, о чем свидетельствовало многократное (29 раз!) обсуждение парламентариями систематического вмешательства СССР в дела Индии³⁶. Характерно, что еще летом 1930 г. для борьбы с этой угрозой 5 тыс. казаков-эмигрантов (всего к началу 1930-х годов в Маньчжурии находилось около 12 тыс. россиян) — ветеранов Первой мировой войны и Белого движения — обратились к британскому консулу в Харбине с прошением приступить к формированию отдельной бригады для отправки в Индию, чтобы бороться против движений, инициированных агентами Коминтерна³⁷.

Непосредственно англо-индийские власти были особенно встревожены сотрудничеством коммунистов с национальными движениями, как, например, с членами упоминавшейся партии «Гадар», что приводило к инфильтрации агентов Коминтерна в различные организации и фонды, особенно профсоюзы и религиозные сообщества³⁸. Дело о попытке анти-

³⁰ Цит. по: *Nehru J. Soviet Russia: Some Random Sketches and Impressions*. Bombay, 1929. P. 1–3. О поездке Неру в СССР см.: *Samra C.S. India and Anglo-Soviet Relations, 1917–1947*. Bombay etc., 1959. P. 111–114.

³¹ О подрывной деятельности эмиссаров Коминтерна в Индии см.: *Spratt P. Blowing Up India. Reminiscences and Reflections of a Former Comintern Emissary*. Calcutta, 1955. P. 31–46; *Haithcox J.M.N. Roy and Comintern Policy 1920–1939*. Princeton (NJ), 1971. P. 80–107.

³² Известия. 14.XI.1930 г.

³³ *Samra C.S. Op. cit.* P. 114–115.

³⁴ *Жирова Н.С.* Указ. соч. С. 101.

³⁵ *Roy M.N. Imperialism and Indian Nationalism*, 5 January 1928 // TNA. KV 3/148; *Das D. India from Curzon to Nehru and After*. London, 1969. P. 129–141.

³⁶ *Попов В.И.* Дипломатические отношения между СССР и Англией (1929–1939 гг.). М., 1965. С. 46.

³⁷ Петиция группы бывших российских военнослужащих-казачков к Лэмбу, британскому консулу в Харбине, 27 июня 1930 г. // TNA. FO 228/4169.

³⁸ *Petrie D. Communism in India, 1924–27*. Calcutta, 1927. P. 80–82; 185–187, 275–316.

правительственного мятежа в городе Меерут (штат Уттар-Прадеш) показало, что расчеты большевистских эмиссаров вызвать массовые протестные выступления индийских рабочих имели под собой основание³⁹. Как подчеркивал директор Бюро политической разведки англо-индийского правительства Д. Петри, «СССР добивается в Индии не установления коммунистического режима, а разрушения изнутри политической системы британского правления»⁴⁰. Впрочем, подрывную деятельность коммунистических организаций на территории Индостана признавали сами советские дипломаты, правда, лишь в личных беседах с британскими коллегами, как, например, это сделал заместитель наркома М.М. Литвинов на неформальной встрече с О. Чемберленом 5 декабря 1927 г.⁴¹

В то же время активисты Коминтерна и работники агитпропа не прекращали попыток воздействия на обывателей, особенно молодежь, через театральные постановки и публикации в прессе. Так, летом 1931 г. один из театров Москвы поставил пьесу «Индия», а в апреле следующего года на подмостках уже ленинградской театральной площадки осуществлялось сценическое действие под названием «Бомбей». Содержанием обоих представлений являлось революционное движение индийского народа против английских колонизаторов. Кроме того, 10 мая 1932 г. на страницах «Инпрекора» — новостного журнала ИККИ, выходившего на русском и трех западноевропейских языках, был опубликован так называемый Проект платформы действий комсомольских организаций Индии, что вызвало очередную ноту протеста Форин офис⁴².

Завершая рассмотрение интересующего нас периода, попытаемся оценить результаты практического воплощения в жизнь идей советского «коммунистического милитаризма» и британского издания «доктрины Монро».

По мнению автора, к объединяющим характеристикам указанных концепций необходимо отнести их генетическую связь с Большой игрой — периодом бескомпромиссного соперничества России и Великобритании второй половины XIX — начала XX в. за доминирование на пространствах Центральной Азии. Как показывают события 1920-х годов, идеологическая составляющая геополитической конкуренции двух империй продолжала оказывать ощутимое воздействие на их отношения в регионах Азии и после формального окончания противостояния Москвы и Лондона после 1907 г.⁴³

Второй общий момент рассмотрения этих доктрин состоит в проблемах их формулирования на фоне межведомственных противоречий, столкновения личных амбиций, а также инициатив дипломатов, чиновников и военных администраторов на местах, которые нередко искажали директивные попытки центральных органов воплотить в жизнь те или иные положения концепций, о которых идет речь. Иными словами, неверное толкование методов распространения коммунистической революции за рубеж либо подходов к охране имперских границ сводило на нет концептуальные усилия лиц, облеченных высокими полномочиями как в Москве, так и в Лондоне.

Наконец, сходными по осуществлению «коммунистического милитаризма» и британской «доктрины Монро» оказались результаты этой деятельности. Ведь хорошо известно, что Кремлю не удалось разжечь пламя «мировой революции» с помощью националистических движений, с одной стороны, тогда как, с другой стороны, усилия британских правящих кругов сохранить империю, пусть в трансформированном виде, также потерпели фиаско, правда, после завершения Второй мировой войны.

³⁹ Andrew C. Defence of the Realm: The Authorized History of MI5. London, 2010. P. 137—138; Уолтон К. Британская разведка во времена холодной войны. Секретные операции МИ-5 и МИ-6. М., 2016. С. 54—55.

⁴⁰ Цит. по: Petrie D. Op. cit. P. 321.

⁴¹ Henderson A., Dovgalevsky V. Anglo-Soviet Relations, 1918—1929 // Bulletin of International News. 1929. Vol. VI. № 7. P. 8.

⁴² Simon to Bogomolov, 24 May 1932 // Soviet Union. Political Reports. 1917—1970 / ed. R. Jarman. Vol. 4. Oxford, 2004. P. 297, 530.

⁴³ См. подробнее: Сергеев Е.Ю. Большая игра. 1856—1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2012. С. 289—299.

По сути, как Москва, так и Лондон оказались неспособны использовать тенденцию к деколонизации в собственных интересах, хотя и с некоторым временным лагом, поскольку успехи национально-освободительных движений 1950–1980-х годов не привели к достижению целей, провозглашенных творцами «коммунистического милитаризма» и «доктрины Монро», – созданию всемирной Республики Советов по большевистским лекалам либо торжеству либеральных ценностей в государствах Азии и Африки по образцу западных демократий.

Библиография / References

- Вертинский А.В.* Комиссия Саймона и борьба в политических кругах Великобритании вокруг индийской конституционной реформы (1927–1930 гг.) // Из истории буржуазной дипломатии и меж-империалистических противоречий в первой половине XX в. Томск, 1986. С. 57–73.
- Глазами разведки. СССР и Европа, 1919–1938 годы. Сборник документов из российских архивов / сост. М. Уль, В. Хаустов, В. Захаров. М., 2015.
- Гус М.С.* Британский империализм и Восток. Харьков, 1926.
- Жирова Н.С.* Сотрудничество индийской партии «Гадар» с Коминтерном (1922–1943). Липецк, 2016.
- Исэров А.А.* Монро доктрина 1823 г. // Большая российская энциклопедия (БРЭ). URL: https://old.bigenc.ru/world_history/text/2228217 (дата обращения: 22.03.2024).
- Маздур И.* Британский империализм в Индии и подготовка интервенции против СССР. М., 1933.
- Малкин С.Г.* Патрулируя империю: колониальный контроль и военная мысль Великобритании в эпоху Интербеллума. Самара, 2024.
- Мамаева Н.Л.* Коминтерн и Гоминьдан. 1919–1929. М., 1999.
- Миняжетдинов И.Х.* Коминтерн в «английском» Ираке: в поисках правильного ракурса // Коминтерн и Восток: к 100-летию Коминтерна / отв. ред. Н.Г. Романова, К.В. Орлова. М., 2021. С. 77–114.
- Попов В.И.* Дипломатические отношения между СССР и Англией (1929–1939 гг.). М., 1965.
- Сергеев Е.Ю.* Большая игра 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2012.
- Сергеев Е.Ю.* Комитет имперской обороны – главный орган координации внешней политики Великобритании // Европейские сравнительно-исторические исследования / ред. А.А. Улунян, Е.Ю. Сергеев. Вып. 4. М., 2014. С. 129–143.
- Сергеев Е.Ю.* Обманчивый рассвет: Советский Союз и Великобритания в 1925–1932 гг. М., 2024.
- Судейкин А.Г.* Колониальная политика лейбористской партии Великобритании между двумя мировыми войнами. М., 1976.
- Уолтон К.* Британская разведка во времена холодной войны. Секретные операции МИ-5 и МИ-6. М., 2016.
- Черникова Л.П.* Троцкий и идея мировой революции в контексте будущего Китая // Коминтерн и Восток: к 100-летию Коминтерна / отв. ред. Н.Г. Романова, К.В. Орлова. М., 2021. С. 218–261.
- Chernikova L.P.* Trotsky i ideya mirovoi revoliutsii v kontekste budutshogo Kitaya [Trotsky and the Idea of World Revolution in the context of China's Future] // Comintern i Vostok: k stoletiyu Cominterna [The Comintern and the Orient: Devoted to the Centennial of the Comintern] / red. N.G. Romanova, K.V. Orlova. Moskva, 2021. S. 218–261. (In Russ.)
- Glasami razvedki. SSSR i Evropa, 1919–1938 gody. Sbornik dokumentov iz rossiiskikh arkhivov [Through the Eyes of Intelligence. Collection of Documents from Russian Archives] / sost. M. Ul', V. Khaustov, V. Zakharov. Moskva, 2015. (In Russ.)
- Gus M.S.* Britanskii imperialism i Vostok [British Imperialism and the Orient]. Kharkov, 1926. (In Russ.)
- Iserov A.A.* Monroe doctrina 1823 g. [Monroe Doctrine 1823] // Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya (BRE) [Great Russian Encyclopedia (GRE). URL: https://old.bigenc.ru/world_history/text/2228217 (access date: 22.03.2024). (In Russ.)
- Malkin S.G.* Patruliruya imperiyu: kolonial'nyi kontrol' i voennaya mysl' Velikobritanii v epokhu Interbelluma [Policing the Empire: Colonial Control and Military Thought of Great Britain in the Interbellum Epoch]. Samara, 2024. (In Russ.)
- Mamaeva N.L.* Comintern i Gomin'dan [The Comintern and Guomindang]. 1919–1929. Moskva, 1999. (In Russ.)
- Mazdur I.* Britanskii imperialism v Indii i podgotovka interventsii protiv SSSR [British Imperialism and the Preparations for Intervention against the USSR]. Moskva, 1933. (In Russ.)
- Minyazhetdinov I.Kh.* Comintern v "angliiskom" Irake: v poiskakh pravil'nogo rakursa [The Comintern in "British" Iraq: In Search of the Optimal Angle] // Comintern i Vostok: k stoletiyu Cominterna [The Comintern and the Orient: Devoted to the Centennial of the Comintern] / red. N.G. Romanova, K.V. Orlova. Moskva, 2021. S. 77–114. (In Russ.)
- Popov V.I.* Diplomaticcheskie otnosheniya mezhdu SSSR i Anglii [Diplomatic Relations between the USSR and England] (1929–1939). Moskva, 1965. (In Russ.)

Sergeev E. Yu. Bol'shaya igra 1856–1907: Mify i realii rossiisko-britanskikh otnoshenii v Tsentral'noi i Vostochnoi Asii [The Great Game 1856–1907: Myths and Realities of Russo-British Relations in Central and East Asia]. Moskva, 2012. (In Russ.)

Sergeev E. Yu. Komitet imperskoi oborony – glavnyi organ koordinatsii vneshnei politiki Velikobritanii [Committee of Imperial Defence – The Main Coordinative Body of British Foreign Policy] // Evropeiskie sravnitel'no-istoricheskie issledovaniya [European Comparative Studies] / red. A.A. Ulunian, E.Yu. Sergeev. Iss. 4. Moskva, 2014. S. 129–143. (In Russ.)

Sergeev E. Yu. Obmanchivyi rassvet: Sovetskii Soyuz i Velikobritaniya v 1925–1932 gg. [Illusory Dawn: The Soviet Union and Great Britain in 1925–1932]. Moskva, 2024. (In Russ.)

Sudeikin A.G. Kolonial'naya politika leiboristskoi partii Velikobritanii mezhdru dvumya mirovymi voynami [Colonial Policy of Great Britain's Labour Party in the Interim of Two World Wars]. Moskva, 1976. (In Russ.)

Vertinskii A.V. Komissiya Saimona i bor'ba v politicheskikh krugakh Velikobritanii vokrug indiidkoi konstitutsionnoi reform [Simon's Commission and the Struggle around Indian Constitutional Reform in Great Britain's Political Circles] (1927–1930) // Iz istorii burzhuaznoi diplomatii i mezhimperialisticheskikh protivorechii v pervoi polovine XX v. [From the History of Bourgeois Diplomacy and Interimperialistic Contradictions in the First Half of the 20th Century]. Tomsk, 1086. S. 57–73. (In Russ.)

Walton C. Britanskaya razvedka vo vremena kholodnoi voyny. Sekretnye operatsii MI5 i MI6. Trans. from English [Empire of Secrets: British Intelligence, The Cold War, and The Twilight of Empire]. Moskva, 2016. (In Russ.)

Zhirova N.S. Sotrudnichestvo indiiskoi partii "Gadar" s Kominternom (1922–1943) [Collaboration of the Indian "Gadar" Party with the Comintern (1922–1943)]. Lipetsk, 2016. (In Russ.)

Andrew C. Defence of the Realm: the Authorized History of MI5. London, 2010.

Campbell J. F.E. Smith. First Earl of Birkenhead. London, 1991.

Das D. India from Curzon to Nehru and After. London, 1969.

Fisher J. The Interdepartmental Committee on Eastern Unrest and British Responses to Bolshevik and Other Intrigues against the Empire during the 1920s // Journal of Asian History. 2000. Vol. XXXIV. № 1. P. 1–34.

Gilderhus M.T. The Monroe Doctrine: Meanings and Implications // Presidential Studies Quarterly. 2006. Vol. XXXVI. № 1. P. 5–16.

Haithcox J. M.N. Roy and Comintern Policy 1920–1939. Princeton (NJ), 1971.

Henderson A., Dovgalevsky V. Anglo-Soviet Relations, 1918–1929 // Bulletin of International News. 1929. Vol. VI. № 7. P. 3–12.

Hevia J. The Imperial Security State. British Colonial Knowledge and Empire-Building in Asia. Cambridge, 2012.

Hillmer N. The Foreign Office, the Dominions and the Diplomatic Unity of the Empire, 1925–29 // Retreat from Power. Studies in Britain's Foreign Policy of the Twentieth Century / ed. D. David. London; Basingstoke, 1981. Vol. 1. P. 64–77.

Howard M. The Continental Commitment: The Dilemma of British Defense Policy in the Era of the Two World Wars. London, 1972.

Howe S. Anti-Colonialism in British Politics: The Left and the End of Empire, 1918–1964. Oxford, 1993.

Kapur H. Soviet Russia and Asia. A Study of Soviet Policy towards Turkey, Iran and Afghanistan. Geneva, 1966.

Kennedy P. The Realities Behind Diplomacy. Background Influences on British External Policy 1865–1980. London, 1981.

Kepel G. Jihad: The Trail of Political Islam. Cambridge (Mass.), 2002.

Moreman T. "Small Wars" and "Imperial Policing": The British Army and the Theory and Practice of Colonial Warfare in the British Empire, 1919–1939 // Journal of Strategic Studies. 1996. Vol. XIX. № 4. P. 105–131.

Nehru J. Soviet Russia: Some Random Sketches and Impressions. Bombay, 1929.

Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York, 2004.

Orde A. Great Britain and International Security 1920–1926. London, 1978.

Petrie D. Communism in India, 1924–27. Calcutta, 1927.

Samra C.S. India and Anglo-Soviet Relations, 1917–1947. Bombay, etc., 1959.

Soviet Union. Political Reports. 1917–1970 / ed. R. Jarman. Vol. 4. Oxford, 2004.

Sylvest C. A Commanding Group? Labour's Advisory Committee on International Questions 1918–1931 // The British Labour Party and the Wider World / eds P. Cornthorn, J. Davis. London; New York, 2008. P. 48–63.

Thomas J.H. Labour and the Empire // World Today. 1924. № 5. P. 487–489.

Thomas M. Empires of Intelligence. Security Services and Colonial Disorder after 1914. Berkeley; Los Angeles, 2008.

Thorpe A. Introduction // The British Labour Party and The Wider World / eds P. Cornthorn, J. Davis. London; New York, 2008. P. 1–24.

Veeser C. A World Safe for Capitalism Dollar Diplomacy and America's Rise to Global Power. New York, 2002.